

ГАФУР ГУЛЯМ

Известнейший писатель Узбекистана. В поэзии и прозе Гафура Гуляма нашла свое художественное воплощение история узбекского народа. Творчество писателя разнообразно - стихи, песни, поэмы, оды, рассказы, повести. Творчество Гафура Гуляма послевоенного периода сыграло значительную роль в развитии узбекской литературы.

Биография

Гафур Гулям известен своими талантливыми переводами на узбекский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Маяковского, Назыма Хикмета, Руставели, Низами, Шекспира, Данте, Бомарше и др.

Гафур Гулям родился 10 мая 1903 года в семье дехканина в Ташкенте. Отец его был грамотным человеком. Он читал произведения узбекской и таджикской классической литературы, владел русским языком, сам писал стихи. В его доме бывали поэты Муками, Фуркат, Асири, Хислат и другие.

Осенью 1916 года Гафура определили в училище. После смерти матери (отец умер раньше), он вынужден был пойти работать. Перепробовав много профессий, он, наконец, поступил в типографию наборщиком, а затем стал учиться на педагогических курсах. С 1919 по 1927 год он был учителем, директором школы, председателем Союза работников просвещения, активно участвовал в организации детских домов. С 1923 года началась литературная деятельность Г. Гуляма. Стихи, поэмы, очерки, юмористические рассказы, повести появляются в газетах и журналах. В 1923 году Гафур Гулям написал стихотворение "Дети Феликса", отобразив в нем свою жизнь - жизнь сироты, рассказав о детях-сиротах, а в журнале "Маориф ва укитувчи" было опубликовано второе стихотворение "В чем красота?" Один за другим выходят сборники его стихов: "Динамо", "Китайские картины", "Это мы с вами живые люди", "Живые песни", "Вам", "Подарок", "Песни рассвета", поэма "Кукан" и другие.

В стихотворениях Гафура Гуляма, написанных в начале 30-х годов, намечается поворот к новым формам, чему в немалой степени способствовало изучение русской классической поэзии. Кроме того, для описания таких удивительных изменений, которые происходили в его родном краю: бурный рост промышленности, строительство железнодорожной магистрали Турксиб и т.п., потребовались новая лексика, новые поэтические краски, новые интонации и ритмы.

"Динамо" (1931), "Живые песни" (1932) - первые поэтические сборники, в которых ярко выражен стиль молодого поэта. Общечеловеческие, гуманистические мотивы нашли отражение в таких стихах, как "Зима и снег" (1929), "Хлеб" (1931), "Ташкент" (1933), "Выборы на Северном полюсе" (1937), "Я еврей" (1941), "Зима" (1941), "Женщина" (1942), "К сожалению, сожаления не похоронили" (1945), "Сад" (1934), "Тоска" (1942), "Осень пришла" (1945), "Осенние саженцы" (1948) и другие стихотворения о вечности жизни, о вечно зеленом дереве. Во многих стихотворениях присутствует образ восточного мудреца - ота (отца): "Сен етим эмассан" («Ты не сирота») (1942), "Тоска" (1942), "Кто учится, кто учит" (1950), "Вам - молодым" (1947), "Мелодии весны" (1948) и др.

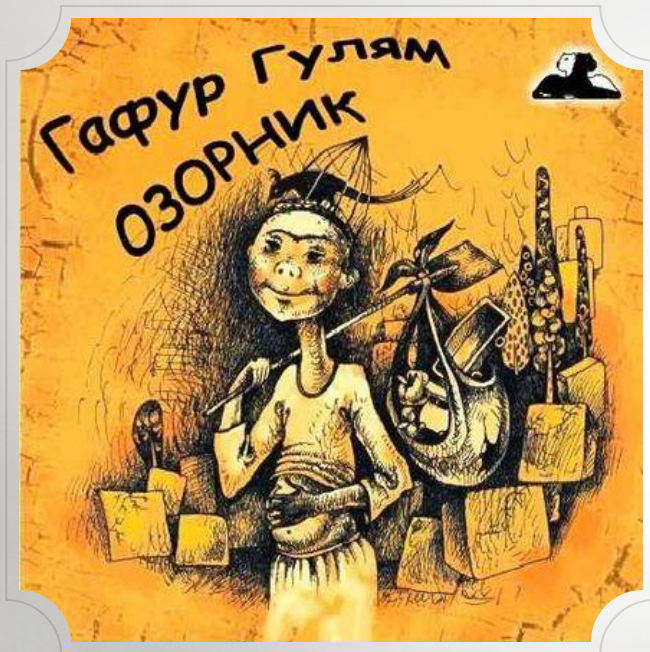

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛОРИТ

В повестях "Нетай" (1930), "Ядгар"(1936), "Озорник" (1936-1962) и рассказах "Хитрости в шарпате"(1930), "Мой сыночек ворипшка"(1965) изображены истинно народные персонажи, отражен национальный колорит.

Повесть "Нетай" - замечательное произведение, полное широких социальных обобщений. В основу сюжета положено действительное событие.

Последний бухарский эмир по пути в Петербург останавливается в Ташкенте. Богачи делают все, для того чтобы эмир был доволен и весел. Для его развлечения они приводят к нему девочку Нетай

"ОЗОРНИК"

Повесть Гафура Гуляма о приключениях маленького мальчика, чей неугомонный характер заставляет его сталкиваться с различными людьми и жизненными ситуациями. История «Озорника» — это история детства самого Гафура Гуляма: как бродил он по пыльным дорогам, как ночевал под открытым небом, как жадно хватался за любое дело...

Но благодаря неиссякаемой фантазии автора и его веселой выдумке, истоки которой глубоко народны, «Озорник» приобретает родство с легендарным Насредином — любимым героем узбекского фольклора. Озорник Гафура Гуляма наделен живым воображением, в его речи звучат пословицы и поговорки, метафоры и сравнения, большинство которых окрашено юмором — ведь Озорник смотрит на мир, как говорил сам автор, «сквозь хитрые стеклышки смеха!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДЕТИ СТАРОЙ МАХАЛЛИ

Места в чайхане всегда не хватает. Тут проводят свободное время байские сыновья из торговых рядов. Они собираются вокруг дастархана, посреди которого на большом медном подносе разложены сахар, миндаль, фисташки, разные сладости, стоит в посуде варенье, а зачастую красуется и коньяк в соломенных плетенках с изображением ласточки. Усаживаясь, они весело горланят, рассказывают анекдоты. Дехканам, бедным кустарям, казахам, киргизам, приехавшим на базар издалека, нечего сюда и соваться.

Много удивительных вещей можно увидеть в этой чайхане. Но, конечно, самое замечательное в ней — это подвешенная к потолку у входа большая клетка, позолоченная, украшенная амулетами от дурного глаза и пестрыми флажками. В клетке живет попугай, ей-богу, настоящий, живой попугай! Перья его переливаются всеми цветами радуги: синий, красный, голубой, желтый, белый, розовый, коричневый, темно-вишневый, фисташковый - все цвета, какие только есть на свете! Но главное, он разговаривает!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ДОМЛА И ПОКОЙНИК

Мы шли, должно быть, уже часа три, когда добрались до Тепа-Гузара. Было позднее утро. Старик бакалейщик как раз открывал свою лавочку, и мы сделали у него покупки на дорогу: фунт соли, два фунта сушеного урюка, шесть лепешек из кукурузной муки, нитки, иголку да еще две перезрелые дыни. Все это обошлось нам в семь пакиров. Четыре заплатили мы, остальное — домла. Покосившись на нас, он распорол кромку своего халата и достал деньги: кое-что, значив, у него все же оставалось. Мы отправились дальше и скоро оказались в зеленой долине.

В кухне уже стемнело (на улице, верно, только еще смеркалось). когда я — вконец измученный и потеряв терпение, страдая вдобавок от голода и жажды — решил приняться за стенку тандыра. Но тут как раз дверь кухни, в первый раз за день, отворилась, и вошла какая-то женщина. Она развела огонь рядом со мной, в маленьком очаге. Пока она возилась, я достал правой рукой крышку для тандыра, стоявшую около (я заметил ее еще раньше), и закрыл отверстие моей тюрьмы. Женщина ничего не заметила, но я сидел, весь дрожа, задерживая дыхание, с отчаянно бьющимся сердцем. Ей-богу, оно стучало громче, чем стенные часы в доме мануфактурщика Карима-коры из нашей махалля, удивляюсь, как женщина его не услышала. Впрочем, она была занята своим делом, да еще тихонько напевала про себя.

ЧАСТЬ ТРЕТья
СЕМЬДЕСЯТ ОДИН РАЙ

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in white against a black background, framing the text.

Сам я — в полном здравии. Руки — в полном моем распоряжении. Ноги меня слушаются. Глаза повинуются моей воле: не хочу — и не смотрю на всякие уродства. Челюсти мои и зубы — как солеморезка: перемальвают любую еду.

Но один непослушный орган все-таки есть в моем теле, и над ним я никак не могу взять верх. Власть моя на него не распространяется — подчас он бесчинствует внутри моих владений, точно целая шайка бандитов. Я усмиряю его, как могу, посылаю полчища благоразумных мыслей, но они разбегаются, еще не добравшись до места назначения. А этот проклятый бунтовщик нагло требует дани: можешь не можешь, есть у тебя или нет — накорми его!

Вдруг на базаре начинается странная суета, движение, которое кругами устремляется в одну сторону: из города к базару идет процессия. Семь каландаров движутся один за другим, одетые в рубища «мухаммадий», которые сшиты из нескольких кусков материи разного цвета. На головах у них — дервишеские шапки «ахмадий», из-под которых спускаются до пояса черные и седые пряди взлохмаченных волос на плечах — мантии «мустафа». Они идут под горячим солнцем и поют, исступленно поют, а на губах у них выступает пена, словно у опьяневших верблюдов.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ
У ЗВЁЗД СВОИ ИСТОРИИ

Аман очухался не скоро, но теперь он шел рядом со мной, и я видел, как он прямо на глазах раздувается от злости. Проходя мимо старой вишни, росшей на обочине, он отломил большую ветку, похожую на кнутовище, и стал ее обтачивать с обеих сторон своим распрекрасным ножом. «Как бы эта палка по мне не прогулялась», — подумал я и решил тоже заготовить оружие. Ничего подходящего поблизости не попадалось. Наконец я сломал саженец урюка.

Город...

Я брел по дороге и думал о городе. Купцы, полицейские, нищие. Видели вы реку после того, как в нее сель сошел? Мутно-желтый поток несется как оголтелый и чего только с собой не тащит! Закрутит меня этот поток, как щепку. Может, и не утону — щепки не тонут, — только уж больно противно плавать в такой мутной воде. Нет, оказывается, вовсе не люблю я город! Весь он такой вониючий, точно котелок наркомана. Опять те же немывтые, расплывающиеся от жира физиономии байских сынков, что с аршинами в руках лениво караулят покупателя в своих лавках: те же длинные-предлинные торговые ряды, утопающие в жаре и душной пыли: перекупщики с вороватыми глазами, бегающими, словно у kota, который спер бараний курдюк: нищие, тощие, как тень хромого аиста, — они бредут и в одиночку и гурьбой...

На том все кончилось. Но день был испорчен, курильню открыли только к полудню, да и то, несмотря на праздник, народу пришло мало. Вечером я разделался со всеми делами. Потом притворился, что ложусь спать. Хаджи-баба уже ушел к себе, индийца нынче не было, а уста Салим подозрительно долго не ложился. Видно, караулил меня. Но сон в конце концов его сморил. Тогда я выскочил и побежал к тополи, под которым зарыта была пепельница с частью моих денег. Потом я вернулся тихонько, уста Салим спал. Я достал иголку и принялся в темноте кое-как зашивать все монеты в кромку индийского халата. Денег было что-то около сорока рублей — целое состояние! Если б не война, можно купить десять баранов! Ну, ладно, черт Я налил в кумган воды из самовара, вышел и помылся теплой водой.

Помыл лицо, руки, ноги — в честь избавления. Потом зашел, надел халат и шапку. Уста Салим жадно следил за мной, Следи, следи, денег моих ты не увидишь! Я поклонился ему и вышел с ними, пусть себе разбираются, мне ведь

главное — уйти отсюда тихо».

После первого снега снова потеплело, но воздух все же был холодный, благо я был одет и обут. Я вздохнул полной грудью и тут только понял, до чего спертый и вонючий воздух в курильне. Ах, теперь я легок, чист, свободен, как птица, вылечившая крыло! До рассвета еще далеко, но на душе у меня уже словно заря занимается! Куда же я иду?

Домой! Домой!

По повести снят одноименный советский художественный фильм режиссёра Дамира Салимова. Фильм создан на киностудии «Узбекфильм» в 1977 году. Считается одним из лучших узбекских фильмов.

